

А.Ю. Минаков

**КНЯЗЬ-ИНОК АНИКИТА
(СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ШИРИНСКИЙ-ШИХМАТОВ):
ПУТЬ ИЗ ПОЭТОВ В СВЯТЫЕ**

Статья посвящена ключевым аспектам биографии князя Сергея Александровича Ширинского-Шихматова, видного поэта-архаиста начала XIX в., который в конце 1820-х гг. порвал с кругом элиты «золотого века» русской культуры и стал иеромонахом Аникитой — одним из возрождателей русского монашества в Греции. Особое значение в статье придается составлению иеромонахом Аникитой канонического текста жития святителя Митрофана Воронежского.

Ключевые слова: Сергей Александрович Ширинский-Шихматов, иеромонах Аникита, житие Святителя Митрофана Воронежского.

Сергея Александровича Ширинского-Шихматова если и знают, то в основном как второстепенного поэта-«архаиста», принадлежавшего к кругу Г.Р. Державина – А.С. Шишкова. При этом ему не очень повезло с отзывами влиятельных современников. Немалую роль в «карикатуризации» его образа сыграла довольно известная эпиграмма молодого вольнодумца Пушкина (тогда еще атеиста, зачастую окруженного будущими декабристами), в которой он сводил политические и эстетические счёты с противниками из «Беседы любителей русского слова», поэтами и писателями, принадлежащими к кругу литературных консерваторов первых десятилетий XIX века:

Угрюмых тройка есть
Певцов —
Шихматов, Шаховской,
Шишков,
Уму есть тройка супостатов
Шишков наш, Шаховской,
Шихматов,
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!

Минаков Аркадий Юрьевич — д.и.н., доцент, профессор Воронежского государственного университета, преподаватель Воронежской православной духовной семинарии (minak.arkady2010@yandex.ru).

В 1830-е гг. Пушкин во многом мировоззренчески и эстетически сближился с былыми оппонентами. Известны его вполне благожелательные оценки Шишкова, Стурдзы и других известных консерваторов того времени. Тем не менее, устойчивый образ угрюмого, глупого, злого и, разумеется, бездарного «супостата» из его колких эпиграмм прочно вошел в западническо-либеральный дискурс, определивший почти на два столетия крайне негативную оценку ключевых фигур русского консерватизма начала XIX века: так оценивали не только С.А. Ширинского-Шихматова, но и Н.М. Карамзина, Ф.В. Ростопчина, С.Н. Глинку, А.А. Аракчеева, М.Л. Магницкого, С.С. Уварова и многих других. Однако подобный «черный» образ разительно противоречит всем основным фактам биографии и реальному историческому и духовному облику С.А. Ширинского-Шихматова, в монашестве Аникиты.

Князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов родился в 1783 г. в деревне Дерново Вяземского уезда Смоленской губернии в небогатой многодетной дворянской семье, принадлежавшей к старинному знатному роду, имевшему крымско-татарские корни. Предки Ширинских-Шихматовых перешли на русскую службу еще в XVI веке. Родители Сергея, Александр и Ольга (в девичестве Иевлева) были помещиками Смоленской губернии. Семья отличалась редким для того времени православным благочестием. Сергей получил превосходное домашнее образование и свободно владел пятью языками: французским, немецким, английским, латинским и греческим. Изучению последнего он придавал особое значение: «Я вздумал учиться Греческому языку, чтобы в подлинниках читать Омира (Гомера. — А.М.), Софокла и Феокрита; теперь этот язык, вкупе изящный и священный, питает меня творениями Златоуста, Григория и Василия»¹, рассказывал своему биографу князь А.С. Ширинский-Шихматов.

Содержательной стороной его внутренней жизни были глубокая вера и занятия литературой. А.С. Стурдза, видный консервативный мыслитель и светский богослов того времени (В.А. Жуковский называл его «нашим христианским Платоном»), оставивший чрезвычайно содержательные и тонкие заметки в некрологической статье о Ширинском-Шихматове, писал по этому поводу: «Любовь к наукам согласовалась в нем с жаждою высшей, божественной науки. Истины полезные умел он подчинить истине спасительной»².

¹ А.С. [Стурдза А.С.] Краткое известие о жизни и смерти иеромонаха Аникита // Одесский вестник. 1837. №65. 14 августа. С. 788.

² Там же.

В 13-летнем возрасте Ширинский-Шихматов поступил в Морской кадетский корпус, который окончил в 1800 г., получив звание мичмана. Князь участвовал как морской офицер в военных походах на Балтике и Северном море. Среди товарищей-гардемаринов он пользовался своеобразным религиозным авторитетом, не случайно его в шутку называли «*св. Сергием*»³.

С 1800 г. Ширинский-Шихматов начал служить под началом вице-адмирала, лидера литературной и политической «русской партии» того времени А.С. Шишкова в ученом комитете при Государственном адмиралтействе и стал его любимым учеником и последователем.

В 1804–1827 гг. князь занимал место воспитателя в Морском кадетском корпусе, причем настолько ценил свою службу, что даже отказался от предложенного ему в 1811 г. престижного места инспектора в тогда только что созданном Царскосельском лицее. Такова внешняя канва начального периода его жизни.

В 1811 г. Ширинский-Шихматов становится одной из центральных фигур в кругу литераторов-«архаистов», боровшихся с господствовавшей тогда галломанией (модой на французские культурные и поведенческие модели), поборников самобытной русской культуры, опирающейся на православные ценности и языковые традиции, восходящие к церковно-славянскому языку. Центральными фигурами этого круга, объединенного в «Беседу любителей русского слова» были консерваторы-монархисты твердых православных убеждений, чуждые западноевропейскому мистицизму и масонству, широко распространившимся в то время: А.С. Шишков, знаменитые поэты Г.Р. Державин и И.А. Крылов. Все они высоко ценили творчество С.А. Ширинского-Шихматова, считали его наследником своих традиций. Ширинский-Шихматов был «один из самых крупных поэтов “Беседы”, взявший на себя задачу создания национальной героической поэмы»⁴.

За почти двадцать лет он написал большие поэмы («Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия. Лирическая поэма в трех песнях» (1807), «Петр Великий» (1810), «Ночь на гробах» (1812)), несколько произведений религиозно-мистического характера и несколько переводов. В 1824 г. вышло последнее его опубликованное при жизни произведение — книга «Иисус в Ветхом и Новом завете, или Ночи у креста»).

³А.С. [Стурдза А.С.] Краткое известие о жизни и смерти иеромонаха Аникита // Одесский вестник. 1837. №65. 14 августа. С. 788.

⁴Альшиуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 115.

В поэмах Ширинского-Шихматова преобладали патриотические темы, со временем в них стали нарастать православно-религиозные мотивы. В своем литературном творчестве он пытался преодолеть границы между светской и духовной литературой. Значение Ширинского-Шихматова как поэта начинает осознаваться в наши дни, его произведения переиздаются, о нем выходят глубокие исследования современных филологов⁵. Особенно важно отметить, что Ширинский-Шихматов «стремился к сближению русской светской культуры с Православием, отводил Православию решающую роль в формировании русского национального самосознания и укреплении российской государственности»⁶.

Наиболее развернутую характеристику Ширинскому-Шихматову, как одному из ведущих литераторов того времени, дал М.Г. Альтшуллер в своей книге, посвященной «Беседе любителей русского слова», в главе «Поэмы С.А. Ширинского-Шихматова». Альтшуллер доказывает, что место Ширинского-Шихматова в истории русской литературы ни в коем случае нельзя определять по блистательным остроумным эпиграммам Батюшкова, Вяземского и молодого Пушкина, написанным в пылу литературной борьбы с «шишковистами».

Ширинский-Шихматов занимал своеобразную позицию среди поэтов «архаистов». Так, он категорически отвергал античную языческую мифологию, использование сюжетов которой было чрезвычайно характерно для классицизма. Главным источником его поэзии было Священное Писание.

«Избави меня Боже <...> почитать пособием <...> мифологию и пачкать вдохновение этой бесовщиной, в которой, кроме постыдного заблуждения ума человеческого, я ничего не вижу, — заявлял С.А. Ширинский-Шихматов. — Пошлые и бесстыдные бабьи сказки — вот и вся мифология. Да и самая-то древняя история, до времен христианских — египетская, греческая и римская, — сущие бредни, и я почитаю, что поэту христианину неприлично заимствовать из нее уподобления не только лиц, но и самых происшествий, когда у нас есть история библейская, неоспоримо верная и сообразная с здравым рассудком. Славные понятия имели эти греки и римляне о божестве и человечестве, чтобы

⁵Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. С. 115.

⁶Носов С.Н. Аникита (Ширинский-Шихматов) // Православная энциклопедия. Т. II. Алексей, человек Божий — Анфим Анхильский. М., 2001. С. 438.

перенимать нелепые их карикатуры на то и другое и усваивать их нашей словесности!»⁷

Заслуги талантливого литератора в области культуры были отмечены: в 1809 г. он был избран действительным членом Императорской Академии наук, а в 1812-м император Александр I, лично знавший Ширинского-Шихматова и ценивший его труды, издал указ о пожаловании ему пожизненной пенсии за вклад в развитие российской словесности: «Трудами и прилежанием к наукам, усовершенствовав природные дарования к стихотворству, обратил оныя в сочинениях своих на пользу словесности и благонравия». В 1817 г. С.А. Ширинский-Шихматов получает большую золотую медаль Российской Академии, врученную ему как литератору, «отличную пользу Российскому слову принесшему».

С 1824 г. он становится ближайшим сотрудником А.С. Шишкова, который занял пост министра народного просвещения, в Главном правлении Училищ при Министерстве народного просвещения — своего рода мозгом центре министерства. В начале 1820-х гг. князь принял самое активное участие в борьбе православных консерваторов, возглавляемых первоприсутствующим членом Синода митрополитом Новгородским и Петербургским Серафимом (Глаголевским), фактически вторым лицом в государстве после императора А.А. Аракчевым и многолетним другом и покровителем Ширинского адмиралом Шишковым, против сторонников насаждаемого императором «универсального христианства», густо замешанного на западноевропейском мистицизме и масонстве. Эта «православная дружина» (определение А.С. Стурдзы)⁸ резко выступила против князя А.Н. Голицына, министра духовных дел и народного просвещения, близкого друга царя, главного покровителя неправославных течений, деятельность которого привела к принижению статуса Православия как государственной религии. Только в наши дни происходит ясное осознание того очевидного факта, что ревнители Православия в 1822–1824 гг. остановили планируемую сверху очередную ломку Церкви, возможно — еще более радикальную, чем учинил в свое время Петр I.

Первую победу «православная дружина» смогла одержать в 1818 г., когда под ее давлением А.Н. Голицыну пришлось запретить издаваемый знаменитым масоном А.Ф. Лабзиным журнал «Сионский вестник», который после этого

⁷Жихарев С.П. Записки современника. Воспоминания старого театрала: В 2-х т. Л., 1989. Т. 1. С. 121.

⁸Стурдза А.С. О судьбе Православной Церкви Русской в царствование императора Александра I // Русская старина. 1876. Т. 15, №2. С. 280.

больше так и не возобновился. Запрещение это произошло, наряду с прочими причинами, по настоянию митрополита Михаила (Десницкого)⁹. Определенную роль в закрытии «Сионского вестника» сыграл не входивший в состав «православной партии», но идейно к ней близкий А.С. Стурдза. По воспоминаниям последнего, князь С.А. Ширинский-Шихматов, явившись к нему, «завел разговор о новых духовных переводах в “Сионском Вестнике”» и стал «по-христиански» укорять Стурдзу, что тот молчит, не вступается «за дело Божие» и «требовал <...> действия»¹⁰. Ширинский-Шихматов передал Стурдзе труд литератора Степана Ивановича Смирнова «Вопль жены, облеченной в солнце» и предложил сличить критику Смирнова с соответствующими номерами «Сионского вестника» и решить, «должно ли долее терпеть такие нападения на святую истину и святую церковь?»¹¹.

С.И. Смирнов был писателем, близким к Ф.В. Ростопчину и Шишкову, входил в круг архимандрита Герасима (Князева), настоятеля московского Симонова монастыря. В 1816 г. он подал на рассмотрение Петербургского комитета духовной цензуры книгу «Вопль жены, облеченной в солнце, или Победная Повесть Православной Греко-российской Соборной и Апостольской Церкви против “Победной Повести” И.Г. Юнга-Штиллинга». Книга Смирнова отражала точку зрения «православной дружины» на масонов и мистическую духовно-религиозную литературу, издающуюся помимо Св. Синода, и призывала к запрету книг западноевропейских мистиков Юнга-Штиллинга, Эккартсгаузена, Шатобриана.

Книга эта так и не была издана, но определенную роль сыграла, поскольку Стурдза вспоминал, что «чтение рукописи (Смирнова. — А.М.) вместе с общаемыми статьями» скоро убедило его «в справедливости увещаний Шихматова»¹².

В итоге Стурдза испросил аудиенцию у Голицына, на которую явился с рукописью Смирнова и статьями Лабзина из «Сионского вестника». Чтение продолжалось свыше трех часов, после чего, как утверждает Стурдза, «Голицын прямо сознался в своем заблуждении и перестал защищать своего любимца»¹³. Вскоре после этого «Сионский вестник» был запрещен.

⁹ Чистович И.А. История перевода Библии на русский язык. М., 1997. С. 58.

¹⁰ Стурдза А.С. О судьбе Православной Церкви Русской в царствование императора Александра I. С. 274.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

Из вышесказанного видно, что ведущий журнал мистиков прекратил свое существование по инициативе целого ряда лиц, в том числе и С.А. Ширина-Шихматова.

Во время борьбы «православной дружины» Ширинский сблизился со знаменитым архимандритом Фотием (Спасским), настоятелем Новгородского Юрьева монастыря, одним из самых ярких ревнителей Православия того времени, и стал его духовным сыном.

В 1827 г. его жизнь радикально изменяется. Капитан-лейтенант С.А. Ширинский-Шихматов подает прошение об отставке, отказывается от славы одного из лучших поэтов России, блестящей карьеры, отпускает принадлежавших ему крестьян в вольные хлебопашцы и в начале 1828 г. поселяется в Юрьевом монастыре, «для трехлетнего искусства»¹⁴. Ему было за сорок лет, когда он «решился выполнить давнее намерение и вступил на поприще нового послушания и произвольной нищеты»¹⁵.

Подобный поворот не удивил хорошо знавших его людей. По словам А.С. Стурдзы, «под одеждою моряка и воина, таилась схима, скрывался Ангельский образ, которым кн. Сергей желал облечься в знак безусловного отречения от почестей, наслаждений и сует житейских!»¹⁶. Так, князь оказывал благодеяния больным, заключенным и нищим. Его громадные по тем временам жалование и пенсия — около семи тысяч годовых, шли в основном на дела благотворительности. В великие церковные праздники он устраивал угощение для нищих, число которых доходило до 40 человек, жертвуя им и деньги. Думается, мало кто еще из представителей блестящего «золотого века» был способен на подобное христианское самопожертвование! Еще будучи светским человеком, С.А. Ширинский-Шихматов отличался высокой степенью аскезы. По свидетельству его брата Платона, пищу Сергей принимал один раз в день, мяса не употреблял вовсе, спал 5–6 часов, а во время постов прибегал к сухоядению¹⁷. Фактически, он вел жизнь монаха в миру, избегая знакомств и посвящая все свободное время молитве и чтению священных книг.

Архимандрит Фотий (Спасский) оказал огромное духовное влияние на Ширинского-Шихматова в принятии решения об отказе от светской карьеры

¹⁴ А.С. [Стурдза А.С.] Краткое известие о жизни и смерти иеромонаха Аникита. С. 791.

¹⁵ Там же. С. 790.

¹⁶ Там же.

¹⁷ [Ширинский-Шихматов П.А.] О жизни и трудах иеромонаха Аникиты в мире князя Сергия Александровича Шихматова, читано в императорской Российской Академии 29 октября 1838 года. СПб., 1853. С. 18–19.

ради подвижничества. Сергей искренне считал архим. Фотия «сосудом Божией благодати» и писал о нем: «Опытами доказанная его ревность к Церкви Божией чрез него благодатию Божией защищенная от сильных врагов ея, по каковой ревности имя его останется в летописи церковной приснопамятным...»¹⁸. Несомненно, крайний аскетизм и православный максимализм настоятеля Юрьева монастыря поражали воображение Сергея. По воспоминаниям келейника архим. Фотия, тот «ел одну овсянку, чаю не употреблял; а пил укропник. <...> Насчет молитвы был тоже строгий. Он ходил ночью по церквам и молился. Читал часы в клетки, которая и теперь цела в Преображенском соборе. После часов ложился в гроб и не спал до утра. Для особенного изнурения себя налагал эпитимью онемения. За полторы-две недели до Великого поста, после прочтения покаяния, Фотий переставал говорить и оставался немым до Великой недели»¹⁹.

В 1829 г. С.А. Ширинский-Шихматов поступил в братство монастыря, а 25 марта 1830 г., преодолевая огромное сопротивление любящих его родных братьев, князь Сергей принял постриг в Юрьевом монастыре под именем Аникиты. Через пять дней (30 марта) он был рукоположен во иеродиакона, а 3 апреля — в иеромонаха. Судя по всему, духовное начальство, в первую очередь митрополит Серафим (Глаголевский) и архим. Фотий (Спасский), было о нем самого высокого мнения²⁰. Для новопостриженного были характерны аскетизм, молитвенный подвиг и необыкновенное смирение.

Филолог Б.Н. Тихомиров обратил внимание на то, что избрание имени св. мученика Аникиты (крайне редко используемое в русском монашестве при постриге) объясняется его «своеобразной «парностью» с именем другого святого мученика — Фотия. День памяти обоих этих христианских святых, родственников, принявших мученический венец при Диоклетиане, отмечается в один день — 12 августа. «Князь-схимник считался “одним из преданнейших учеников” Фотия; приняв постриг, он исполнял некоторое время при настоятеле “письменное послушание” — был его личным секретарем. По-видимому, чтобы закрепить эту духовную связь учителя и ученика, по “принципу взаимодопол-

¹⁸ Жмакин В., *свящ.* Материалы для истории Русской богословской мысли тридцатых годов текущего столетия. СПб., 1894. С. 207.

¹⁹ Слезкинский А. Архимандрит Фотий и графиня А. Орлова-Чесменская // Русская старина. 1899. Т. 100. С. 320.

²⁰ Афонский отечник XIX–XX веков. Т. 1. Изд-е Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Святая Гора Афон, 2012. С. 40.

нительности” с именем Фотия, С.А. Ширинскому-Шихматову и было присвоено в монашестве имя Аникита»²¹.

Архим. Фотия и С.А. Ширинского-Шихматова и в самом деле связывали особые отношения. В путевом дневнике Алексея Митрофанова (впоследствии архимандрита Арсения)²² передан очень характерный разговор с иноком Аникитой: «Много говорил он мне тогда про начало иноческого своего подвига: как презрел знатность рода княжеского и почести, проходя послушание в Юрьеве новгородском монастыре под руководством знаменитого старца архимандрита Фотия, и как Фотий с ним поступал во время семилетнего его искуса. “Вот, брат Алексей, — сказал он мне однажды вечером, — никто у меня столько слез не достал, как старец мой архимандрит Фотий. Спаси его Господи: всю барскую мою спесь он из меня выжал. О, много пролил я за нее слез, а теперь вот почитаю его и благодарю”»²³.

Что кроется за этими скупыми признаниями, становится ясно из рассказа священника Василия Жмакина, биографа князя-инок: «Исполняя письменное послушание, о. Аникита часто сидел и переписывал разные бумаги в кельях о. настоятеля. Раз приходят к о. Фотию две монахини одного из новых женских монастырей и начинают ему, как благочинному, излагать разные жалобы на строгие меры и разные притеснения своей настоятельницы и проч. Фотий выслушивал жалобы монахинь, сидя у себя в зале на диване. Когда монахини начали перечислять неудовольствия на настоятельницу, о. Фотий, обращаясь к о. Аниките, сказал: “Святой (так Фотий называл всегда о. Аникиту), поди сюда”: о. Аникита тотчас же встал из-за своего стола, подошел к настоятелю и, сделав ему низкий поклон, стал перед ним. Фотий встал с дивана и ударил о. Аникиту по щеке, о. Аникита ответил на это глубоким поклоном; раздалась другая пощечина, и новый глубокий поклон о. Аникиты. “Полезай под диван”, — сказал ему Фотий, после того как наградил его двумя пощечинами. О. Аникита беспрекословно повиновался и полез под диван. Сидя на том же диване, о. Фотий продолжал вы-

²¹Тихомиров Б.Н. Иеромонах Аникита (в миру князь С.А. Ширинский-Шихматов) в творческих планах Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. №14. СПб., 1997. С. 204.

²²Архимандрит Арсений (в миру Алексей Яковлевич Митрофанов) (1804–1859), возобновитель и первый настоятель Святогорской Успенской пустыни Харьковской губернии. В 1832 г. принял монашеский постриг и поступил в Соловецкий монастырь, в том же году перешел в Глинскую пустынь. В 1833–1834 гг. посетил Иерусалим, Синай и Святую Афонскую Гору.

²³Ковалевский А. Из воспоминаний о приснопамятных старцах: иеромонахе Серафиме Саровском, иеромонахе Аниките (князе Ширинском-Шихматове) и других // Душеполезное чтение. 1869. Апр. С. 107–108.

слушивать жалобы монахинь»²⁴. Что и говорить, сцена, достойная монашеских душеполезных поучений VI–VII вв. о преодолении гордыни и выработке смирения... Постигнуть духовный смысл этого эпизода отчасти можно, если вспомнить, что в миру о. Аникита был блестящим представителем культурной элиты, талантливым поэтом, известным по всей России, аристократом, принадлежащим к старинному княжескому роду, мужественным и авторитетным офицером.

В первые годы своей монашеской жизни инок Аникита занимался «сличением и поверкою Славянской библии с Греческим подлинником» и кроме того посетил Киево-Печерскую лавру, Троице-Сергиеву лавру, Валаамский и Соловецкий монастыри²⁵. Духовное начальство желало возвести инока Аникиту в сан архимандрита и сделать игуменом какого-либо монастыря, но он отказался от предлагаемых почестей²⁶.

5 мая 1834 г. инок Аникита отправился на Святую Землю, ведя подробные записки о путешествии. Первым пунктом его паломничества стал Воронеж, куда он прибыл 3 июля 1834 г. Здесь, как записано в его путевых заметках, инок Аникита исполнил «пламеннейшее желание» припасть к «нетленным целебным чудоточным мощам святителя великого, угодника Божия новопреставленного Митрофана»²⁷. Во время пребывания в принял приглашение архиепископа святителя Антония (Смирницкого), по инициативе которого была осуществлена канонизация св. Митрофана, жить в его доме²⁸. Инок Аникита оставил подробный рассказ о своем участии в создании жития св. Митрофана: «Поспешая совершить предлежащий мне путь во святой град, предполагал я пробыть в Воронеже не более 5 дней, но угодник Божий (преп. Антоний (Смирницкий). — А.М.) расположил иначе; и слава ему и благодарение от меня грешного будут вовеки. Вскоре по приезде моем добрый пастырь воронежской церкви просил меня взять послушание на себя богоугоднейшее, а именно — написать вновь житие св. угодника Митрофана с написанного уже неким истинным рабом Божиим, учителем гимназии Николаем Михайловичем Савостьяновым²⁹, собравшим и все нужные

²⁴К истории русской богословской мысли тридцатых годов текущего столетия: из переписки братьев князей Ширинских-Шихматовых / Публикация, вступит. статья и коммент. свящ. В. Жмакина // Христианское чтение. 1890. Ч. 2. №7–8. С. 30.

²⁵А.С. [Стурдза А.С.] Краткое известие о жизни и смерти иеромонаха Аникита... С. 791–792.

²⁶Афонский отечник XIX–XX веков... Т. 1. С. 40–41.

²⁷Путешествие иеромонаха Аникиты (в мире князя С.А. Ширинского-Шихматова) по святым местам Востока в 1834—36 гг. // Христианское чтение. 1891. №1–2. С. 91.

²⁸Там же. С. 92.

²⁹Савостьянов Николай Михайлович (1795 или 1796, Воронеж — между 1853 и 1862, Воронеж), краевед, педагог. Окончил Воронежскую гимназию (1814), физико-математический факультет Харьковского университета (1818). Учитель словесности в гимназиях Чернигова (1822–

к тому бумаги и внесшим в житие святого и потрудившимся трудом немалым в честь и славу угодника Божия. Зная свою немощь, утратившись я предложению архипастырского; но твердую имея на чудотворца веру и, в лице святителя Антония; видя его самого, призывающего меня к благодати неизреченной слабым моим словом коснуться великой славы угодника Божия, и уповая на молитвы архиерея Божия, изъявил я ему готовность к исполнению воли его, прося его святых молитв в помощь»³⁰. Инок Аникита пишет, что приступил к делу 6 июля 1834 г. и «начал трудится ревностно, посвящая труду все свободное от общественных во храме молитв время. Чудное явил мне милосердие святой угодник, помогая мне, так сказать, видимым образом, посылая мне бессмысленному мысли, бессловесное слово к изложению святых его исправлений»³¹. «12-го числа, при чудной, непонятной помощи угодника, привел я оный к концу, а к 15-му рукопись моя была уже переписана»³². «15-го числа читал я труд свой святителю Божию и удостоился его одобрения и искреннейшей благодарности»³³. Итак, с 6 по 12 июля 1834 г. инок Аникита составлял житие св. Митрофана.

Таким образом, мы имеем вполне достоверные сведения о создании «Жития иже во святых отца нашего Митрофана, в схимонасах Макария, первого епископа Воронежского и новоявленного чудотворца, и сказание об обретении и открытии честных его мощей, и о благодатных при том знамениях и чудесных исцелениях. Извлечено из актов и донесений, имеющихсЯ в Святейшем Синоде», впервые вышедшего из печати в 1838 г. и с тех пор многократно переизданного. Стоит отметить, что акафист св. Митрофану был написан по благословению святителя Антония родным братом инока Аникиты, князем Платоном Александровичем Ширинским-Шихматовым³⁴.

Из Воронежа инок Аникита отправился в Одессу, где остановился в Успенском монастыре, и весной 1835 г. отплыл из Одессы в Грецию³⁵.

1823), Воронеж (1823–1842). Поддерживал дружеские отношения с архиепископом Антонием (Смирницким). Автор книг: «Жизнь преосвященного Антония, архиепископа Воронежского и Задонского» (Санкт-Петербург, 1852; Воронеж, 1913, 1914); «Беседы и наставления преосвященного Антония» (Москва, 1888, 1893, 1896, 1900, 1904), «Гимны святителю Митрофану, первому епископу Воронежскому» (Харьков, 1832).

³⁰ Путешествие иеромонаха Аникиты... С. 93.

³¹ Там же. С. 94.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 93. Платон Александрович Ширинский-Шихматов (1790–1853) — министр народного просвещения (1850–1853), академик Императорской академии наук (1841) и писатель.

³⁵ А. С. [Стурдза А. С.] Краткое известие о жизни и смерти иеромонаха Аникиты... С. 793.

Он прибыл на Афон 9 июня 1835 г. и поселился в Ильинском скиту, в келье, которую раньше занимал преп. Паисий (Величковский). Ее уступил ему настоятель скита иеромонах Парфений (Агеев)³⁶. «Монахи и пустынножители Св. Горы Афонской приняли Аникита с невыразимую радостью; им казалось, что в лице его они видят и обнимают всех единоверцев дальнего севера, с которыми некогда имели они столь частые и любвеобильные сношения»³⁷. При этом инок Аникита «мог свободно объясняться и беседовать с Греками, нередко священнодействовал на Греческом языке... Ему *особенно хотелось* (это собственные слова его) *поучиться у подвижников Афонской Горы монашескому житию*»³⁸. Духовник всех русских монахов на Афоне, восстановитель русского святогорского монашества старец-иеросхимонах Арсений Афонский (+1846) принял его в ученики.

Игумен Герасим и греческая братия Руссика — Пантелеимонова монастыря на Афоне — пригласили инока Аникиту и 25 русских монахов Ильинского скита в свой монастырь, находящийся тогда в изрядном запустении. Торжественным крестным ходом они прибыли в Пантелеимонов монастырь.

В конце июля 1835 г. инок Аникита выехал в Святую Землю. В Иерусалиме его ждали тяжкие испытания. Он перенес жестокий приступ лихорадки, от которой излечился без помощи врачей. Далее с ним произошел случай, нашедший отражение не только в мемуарах, но и в классической литературе. В воспоминаниях А.С. Стурдзы этот случай описывается следующим образом: «Однажды, смиренный богомolec наш, после сорокадневного богослужения в храме Воскресения Христова, в день Вознесения, пошел к местоблюстителю патриаршему, митрополиту Аравийскому. Нетрезвый служитель, возбравя Аникиту вход к иерарху, ударил в лицо святого труженика. Шедший за ним послушник, в порыве негодования, бросился на дерзкого и безумного слугу. Но Аникит остановил его с жаром и оборотясь к оскорбителю, сказал тихим голосом: “Что мя биеши?”. В ту самую минуту, услышав шум, люди выбежали из внутренних келий; архиерей по невыразимому смущению духа, повелел наказать виновного, но, по ходатайству Аникита, должен был простить зверского прислужника, защищаемого и без сомнения приведенного в чувство сим избытком всетерпящей хриstopодобной любви!»³⁹.

Этот случай нашел отражение не только в некрологе, написанном Стурдзой, но и в «Сказании о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции

³⁶ Афонский отечник XIX–XX веков... Т. 1. С. 41.

³⁷ А.С. [Стурдза А.С.] Краткое известие о жизни и смерти иеромонаха Аникита... С. 792.

³⁸ Там же. С. 794–795.

³⁹ Там же. С. 795.

и Святой земле постриженника Святой горы Афонской инока Парфения», в брошюре «О жизни и трудах иеромонаха Аникиты» младшего брата Сергея, Платона Александровича Ширинского-Шихматова (будущего министра народного просвещения), и в воспоминаниях иеромонаха Арсения (Митрофанова).

Впечатления от поездки на Святую Землю инок Аникита записывал в дневник, который был издан отдельной книгой под названием «Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах»⁴⁰.

В мае 1836 г. иером. Аникита вернулся на Афон, в Пантелеимонов монастырь, но вместе с русскими монахами был вынужден из-за недовольства греческой братии (те считали, что русские монахи, не привыкшие жить по строгому общежительному уставу, привели к расстройству духовную жизнь обители) удалиться в Ильинский скит, где заложил храм св. Митрофана Воронежского. Вероятнее всего, на этот труд он получил благословение и средства от святит. Антония (Смирницкого). Удалясь из Пантелеимонова монастыря, инок Аникита пожертвовал ему ризницу, иконы и книги. Известны его слова: «Пусть все в святой Русской обители останется для памяти. Когда паки русские взойдут, тогда и пригодится им».

В августе 1836 г. Синод назначил иеромонаха Аникиту настоятелем церкви при Русском посольстве в Афинах. Он поручил схимонаху Феодору постройку церкви во имя св. Митрофана и передал ему значительную сумму денег. Церковь окончательно была достроена уже в 1842 г., после его смерти, именно на эти средства. Инок Аникита не хотел расставаться с Афоном, но «глас послушания» заставил его отправиться к месту нового служения⁴¹.

Жизнь свою иеромонах Аникита закончил настоятелем церкви при Русском миссии в Афинах. Незадолго до кончины он просил Св. Синод об увольнении от занимаемой должности, чтобы вернуться на Афон в Ильинский скит.

Обстоятельства его смерти подробно изложены в заметках Стурдзы: «Прожив в столице древней изящности около года, Аникит возчувствовал сильное побуждение возвратиться через Афонскую гору в Россию (т.е. вернуться в Юрьев монастырь. — А.М.). Но в совете благодати Божией уже положено было уволить навсегда верного слугу Христова и успокоить изнуренного труженика на лоне праведных. Он занемог, и после сильного кровотечения из уст, в больном оказались все признаки совершенного истощения всех сил телесных. Народ, жадно внимавший ему до тех пор у алтаря Господня, лишь только сведал о болезни Аникита, толпами бросился ему в келию. С утра до вечера старцы,

⁴⁰Переиздана в 2009 г. в Москве в издательстве «Индрик».

⁴¹А.С. [Стурдза А.С.] Краткое известие о жизни и смерти иеромонаха Аникита... С. 794.

взрослые, женщины и дети окружали одр страдальца, стоя на коленях. Начальство миссии увидело себя принужденным запретить приходящим вход, чтобы уменьшить стечение народа, ко вреду больного. Аникит страдал с такою преданностью воле Божией, что самовидцы последней борьбы его, во все продолжение тяжелой болезни, не слыхали из уст его ни одной жалобы, не заметили в больном ни малейшего нетерпеливого движения, не могли уловить ни одного вздоха. Приближенные спросили больного не хочет ли он написать завещания или письма к родным? Он отвечал: “какое завещание? Я монах. Братья, сестры и родные мои не здесь, а там, в царстве Отца”. Опять спросили: что располагает он делать с наперсным крестом, пожалованным ему? — “Я уже послал этот крест Гробу Господню!” Причастившись Св. Тайн, Аникит спокойно предал себя по душе — Христу, а по телу — разрушающей силе смерти. Отрываясь от пелен и уз тления, он часто повторял слова: “пора в Иерусалим!” — и с сим желанием в устах, душа труженика вероятно стремилась в Иерусалим небесный!»⁴²

7 июня 1837 г. иеромонах Аникита скончался в Архангельском монастыре и был погребен близ Афин⁴³. Он завещал, чтобы все его имущество было отправлено на Афон и передано Ильинскому скиту. Через несколько лет его останки были перевезены в Ильинский скит и положены в церкви во имя св. Митрофана Воронежского в нише правой стены, покрытой мраморной доской.

В жизнеописании иеромонаха Аникиты, составленном в начале XX века епископом Рильским Никодимом (Кононовым) говорится о том, что в 1875 году Афон посетил известный ревнитель Православия и защитник монашества генерал Николай Васильевич Елагин, который в свое время был знаком с о. Аникитой. «Узнав, где положены останки блаженного мужа, он высказал мнение, что так как в Петербурге почитают отца Аникиту за святого, то не следует замуровывать их в стену. Тотчас доска была снята, кости открыли. Все присутствовавшие ощутили идущее от честных останков чудное благоухание, которое долгое время источали даже покровы, в которых они были завернуты. С того времени кости блаженного Аникиты лежат открыто, составляя драгоценное сокровище Ильинского скита»⁴⁴.

В настоящее время мощи инока Аникиты, издающие благоухание, хранятся в Ильинском скиту, в параклисе св. Николая-Чудотворца, в ковчежце под жертвенником в алтаре, куда они были перенесены после ремонта из церкви св. Митрофана в Ильинском скиту.

⁴² А.С. [Стурдза А.С.] Краткое известие о жизни и смерти иеромонаха Аникита... С. 794–795.

⁴³ Там же. С. 791.

⁴⁴ Афонский отечник XIX–XX веков... Т. 1. С. 43–44.

Судьба князя-инока поразительна и уникальна. Как светский деятель, С.А. Ширинский-Шихматов несомненно входил в элиту «золотого века» русской культуры, однако принадлежал к православно-консервативному ее сегменту, и по сей день малоизвестному в силу причин идеологического характера. Значение его поэтического дара еще предстоит раскрыть.

Как человек Церкви, он до конца выполнил жизненную миссию, которая напоминает миссию св. Игнатия (Брянчанинова) по распространению Православия в среде высшей аристократии и дворянства. Образ монаха Аникиты использовал в своих планах «Жития великого грешника» Ф.М. Достоевский (из них выросли все позднейшие романы — от «Бесов» и «Подростка» до «Братьев Карамазовых»), как случай отказа от уже сложившейся светской карьеры и признания ради монашеского подвига. Так, филологи пришли к выводу, что он сливается с образами свв. Тихона Задонского и Амвросия Оптинского и некоторых других великих русских святых⁴⁵.

Инок Аникита составил житие св. Митрофана и положил начало его вселенскому почитанию. Его роль в восстановлении русского монашества на Афоне была столь велика, что по мнению автора предисловия к Книге путешествий по святым местам иеромонаха Аникиты П.В. Троицкого, князь-инок был возродителем русского иночества на Афоне в XIX веке⁴⁶.

Источники и литература

1. *Альшиуллер М.Г.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. Изд. 2-е, доп. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 448 с.
2. *А.С. [Стурдза А.С.]* Краткое известие о жизни и смерти иеромонаха Аникиты // Одесский вестник. 1837. №65. 14 августа. С. 787–795.
3. *Афонский отечник XIX–XX веков.* Т. 1. Изд-е Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Святая Гора Афон, 2012. 753 с.
4. *Жихарев С.П.* Записки современника. Воспоминания старого театрала: В 2-х т. Л., 1989. Т. 1. 311 с.
5. *Жмакин В., свящ.* Материалы для истории Русской богословской мысли тридцатых годов текущего столетия. СПб., 1894. 246 с.

⁴⁵ *Лурье В.М.* Догматика «религии любви». Догматические представления позднего Достоевского // Христианство и русская литература. Сб. ст. №2 / РАН. Ин-т рус. лит. СПб., 1996. С. 302–303.

⁴⁶ Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах / Предисловие В.П. Троицкого. М., 2009. С. 9.

6. К истории русской богословской мысли тридцатых годов текущего столетия: из переписки братьев князей Ширинских-Шихматовых / Публикация, вступит. статья и коммент. свящ. В. Жмакина // Христианское чтение. 1890. Ч. 2. №7–8. С. 63–673.
7. *Ковалевский А.* Из воспоминаний о приснопамятных старцах: иеромонахе Серафиме Саровском, иеромонахе Аниките (князе Ширинском-Шихматове) и других // Душеполезное чтение. М., 1869. №4. С. 94–111.
8. *Лурье В.М.* Догматика «религии любви». Догматические представления позднего Достоевского // Христианство и русская литература. Сб. ст. №2 / РАН. Ин-т рус. лит. СПб., 1996. С. 290–309.
9. *Носов С.Н.* Аникита (Ширинский-Шихматов) // Православная энциклопедия. Т. II. Алексей, человек Божий — Анфим Анхильский. М., 2001. С. 438.
10. Путешествие иеромонаха Аникиты (в мире князя С.А. Ширинского-Шихматова) по святым местам Востока в 1834–36 гг. // Христианское чтение. 1891. №1–2. С. 69–117.
11. Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах / Предисловие В.П. Троицкого. М., Индрик, 2009. 208 с.
12. *Слезкинский А.* Архимандрит Фотий и графиня А. Орлова-Чесменская // Русская старина. 1899. Т. 100. С. 319–324.
13. *Стурдза А.С.* О судьбе Православной Церкви Русской в царствование императора Александра I // Рус. старина. 1876. Т. 15. №2. С. 266–288.
14. *Тихомиров Б.Н.* Иеромонах Аникита (в миру князь С.А. Ширинский-Шихматов) в творческих планах Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. №14. СПб., 1997. С. 202–215.
15. *Чистович И.А.* История перевода Библии на русский язык // И.А. Чистович. Репр. воспроизведение изд. 1899 г. М.: Рос. библ. О-во, 1997. 347 с.
16. [*Ширинский-Шихматов П.А.*] О жизни и трудах иеромонаха Аникиты в мире князя Сергия Александровича Шихматова, читано в императорской Российской Академии 29 октября 1838 года, издание 2-е. СПб., 1853. 69 с.